ПРАВО

УДК 343.9

Р.Л. Ахмедшин

ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ИСТОРИЯ, ПОНЯТИЕ

Раскрывается комплекс проблем террористической активности – одной из системных угроз современной цивилизации. Диапазон проблем затрагивает методологический, исторический, криминологический, криминалистический, культурологический и психологический аспекты. Результатом проведенного исследования является комплекс системообразующих элементов феномена терроризма как уникальной формы криминальной идеологии.

Ключевые слова: терроризм; идеология; наркотерроризм; кибертерроризм; асимметричный конфликт; экстремизм.

На сегодняшний день термин «терроризм» заполнил пространство не только научных изданий, но и различных СМИ, включая интернет-источники, и исходит как от людей, излагающих свою позицию с профессиональной точки зрения, так и от любителей, использующих терминологию совершенно произвольно в угоду собственным «лайкам».

Вспомним, что очень часто термины меняют свое не только содержательное значение, но и трансформируют свой эмоциональный подтекст. Рассмотрим, к примеру, изменение эмоционально-содержательного наполнения термина «острог». Изначально «острог» обозначал отдельно стоящее опорное военное укрепление – крепость и ассоциировался с эмоциональной гаммой – надежность, безопасность, позитивность. Впоследствии содержательная составляющая термина «острог» изменилась и стала ассоциироваться скорее со словами одиночество, уединенность, отдаленность, в меньшей степени сохраняя за собой содержательную характеристику надежности и позитивности. Наконец, на третьем этапе термин «острог» стал соотноситься со словом «тюрьма» и полностью свелся к эмоциональной оценке одиночества, заброшенности, потери смысла, обреченности.

Неудивительно, что и в разговорной речи, и в научном терминологическом обороте термину «острог» сейчас присуще одно из трёх вышеперечисленных значений, поэтому если исследователи не договорятся о едином понимании эмоционально-смыслового содержания данного термина, любая дискуссия применительно к нему становится бессмысленной.

Отметим, что само наполнение термина «острог» не несёт какого-то принципиального значения в отличие от многих других терминов, эмоционально-содержательное понимание которых варьируется крайней широко, что совершенно исключает возможность научной дискуссии. Применительно к избранной нами теме существующее положение полностью характерно для исследований природы терроризма как социального явления [1. Р. 526].

Можно с высокой уверенностью отметить, что понятия терроризма, которыми оперируют современные исследования, содержательно радикально отличаются друг от друга, что недопустимо в научном исследовании. Естественно, что однозначность понимания того или иного явления возможна только при вдумчивым

глубоком историческом анализе обстоятельств, которые предопределили существование этого явления. С учетом сказанного рассмотрим историю появления термина «терроризм».

Уже поверхностный исторический анализ показывает, что в различные исторические эпохи под феноменом терроризма понимались совершенно различные социальные процессы.

Термин «терроризм» происходит от латинского *oris [terro] – ужас, страх*. Однако этот ужас и страх в различные исторические периоды имел совершенно разные источники.

Впервые этот термин стал применяться для обозначения политики якобинцев, а в особенности тех, кто принимал участие в революционных трибуналах в эпоху террора в годы Великой французской революции (14.06.1789 – 9.11.1799). Термин «террор» стал широко употребляться с 5 сентября 1793 г., после принятия Конвентом постановления «Да будет террор в порядке дня!».

Государственный внутренний терроризм. Изначально термин «терроризм» обозначал официальную государственную политику Франции, направленную на борьбу с внутренними врагами этого государства, в период Великой французской революции. Таким образом, как это ни парадоксально, изначально терроризм был лишен современного негативного подтекста, будучи тесно связан с идеями добродетели и демократическим мировосприятием, выступая формой позитивного мировосприятия. Главный идеолог терроризма Робеспьер утверждал, что «без добродетели террор становится злом, однако и добродетель без поддержки террора становится беспомощной», а значит, «террор есть не что иное, как правосудие – скорое, строгое и непреклонное, и тем не менее он является эманацией добродетели».

Как видно, на первом этапе возникновения феномена терроризма можно говорить о государственном терроризме, направленном на собственный народ. Неудивительно, что под терроризмом часть исследователей понимает любые злоупотребления официальной власти с открытым криминальным подтекстом. Впоследствии власть в других государствах, формирующаяся в процессе революции на начальной стадии своего существования, традиционно стала пропагандировать понимание террора в его «французском» варианте.

Вывод. В период 1793–1794 гг. во Франции терроризм представляет собой государственную идеологию нагнетания ужаса на собственное население, средство переходного периода, направленное на противодействие анархии и контрреволюции. Таким образом, рассмотренная идеология государственного внутреннего терроризма является исходным пониманием природы терроризма.

Государственный внешний терроризм. Эра колониализма предопределила раскол цивилизации на индустриальные государства и их колонии. Учитывая выраженный односторонний эксплуататорский характер взаимоотношений этих двух образований, неудивительно, что в отношении колоний предпринимались крайне жесткие меры удержания контроля. Политика террора и геноцида была одним из этих средств.

Стали каноническими примеры уничтожения ряда народностей аборигенов Северной Америки (индейцев) усилиями таких государств, как Великобритания и Североамериканские Соединенные Штаты (современные США). Впервые организация концентрационных лагерей в Южной Африке усилиями Британии наглядно показала, что наиболее страшная форма терроризма – это терроризм государственный. Не сильно отличалась от приведенных примеров колониальная политика Бельгии, Нидерландов и Португалии. Системность геноцида также была продемонстрирована Японией на корейском полуострове.

Также, как и в период французской революции, терроризм в рассматриваемый период воспринимался как некое объективное благо, проистекающее из «дикости» покоренных народов. Пропагандировалось, что эксплуатация жителей колоний есть форма приобщения их к цивилизации, необходимая прежде всего им самим. Гимном колониального террора можно считать произведение известного идеолога британского нацизма Р. Кипплинга «Бремя белых».

Колониальный террор в отношении местного населения был объективно предопределен. Количество колонизаторов и их пособников на захваченной территории всегда было радикально меньше количества населения этих территорий. Только политика устрашения – террора и геноцида могла продлить нацистскую политику «передовых» индустриальных государств того периода.

Суть идеологии террора того периода базировалась на идее неполноценности колониальных народов, которые в отношении «белых господ» выступали по мнению упомянутого Р. Кипплинга «то дьяволами, то детьми». Современные исследователи терроризма – выходцы из бывших колониальных держав – стараются не упоминать терроризм колониального периода, стыдливо замалчивая о его жертвах.

Анализируя идеологию колониального террора, необходимо выделять его системный, а не случайный характер. Также необходимо учитывать, что колониальный терроризм был составной частью государственной политики некоторых стран. Рассматриваемая форма государственного терроризма, в отличие от предыдущей, направлена не на граждан своего государства, а на население других стран.

Вывод. На смену государственному внутреннему терроризму как идеологии нагнетания ужаса на собственное население приходит государственный внешний терроризм как идеология нагнетания ужаса на население колоний и оккупированных территорий.

Государственный политический (революционный) терроризм. Понимание терроризма, близкое к современному, прослеживается на третьем этапе становления терроризма как идеологического мировосприятия. На рассматриваемом этапе идеология терроризма – это идеология революционных преобразований, идеология антиправительственной деятельности. Не стоит полагать, что данная идеология выступает качественно иной по сравнению с ранее рассмотренными. Нет. Скорее можно говорить о диаметральной противоположности воздействия. На первом этапе государство направляло террористическую деятельность против граждан, на рассматриваемом этапе граждане ориентируют террористические усилия в адрес государства.

В основу идеологии революционного терроризма лег постулат К. Пизакане о пропаганде действием. К. Пизакане писал: «Пропаганда идеи – недостижимая цель, идеи рождаются из деяний, а не наоборот. Знание не дает людям свободы, но свобода способна дать познания», «Применение насилия необходимо не только для привлечения внимания общества или предания огласке идеи, но ради просвещения, обучения и, наконец, сплочения народа во имя революции», «Морализующее действие насилия превосходит по своей эффективности издание памфлетов, настенных плакатов или устройство собраний».

Согласимся с многими исследователями, полагающими, что общественно-политическая организация «Народная воля», основанная в Российской империи в 1876 г., была первой классической террористической организацией. Деятельность «Народной воли» интересна прежде всего попыткой соблюдения той тонкой грани насилия, которая, разрушая государство, не затрагивала бы интересы простых граждан. Совершенно нетипичный для современной идеологии терроризма поиск морально-нравственного баланса в революционной деятельности делает данную группу уникальной. В контексте сказанного неудивителен факт отмены очередного террористического акта в 1905 г., когда выяснилось, что в подлежащей взрыву карете с великим князем С.А. Романовым едут его жена и племянники.

Одновременно с этим в деятельности «Народной воли» четко просматривается элемент стороннего (иностранного) управления. Так, руководство группы было однозначно ориентированно против терроризма в индустриально развитых государствах. К примеру, исполнительный комитет «Народной воли» в 1881 г. официально и публично осудил убийство президента США Джеймса Гарфилда. Управляющие органы «Народной воли» полагали, что насилие оправданно только применительно к России, но не к странам с «нормальной политической деятельностью». Маловероятно, что данное политическое лицемерие проистекало из наивности народовольцев, их веры в истинность зарубежной демократии, скорее логично гово-

речь об их финансовой заинтересованности в стабильности за границами России.

Описанной финансовой заинтересованности вероятно не был лишен образованный в 1885 г. «Анархистский интернационал» («Черный интернационал»), который активно проводил политику терроризма везде, кроме Британии. Членами «Черного интернационала» были убиты президент Франции Мари Франсуа Сади Карно в 1894 г., императрица Австро-Венгрии Елизавета в 1898 г., премьер-министры Испании в 1897 и 1912 гг., король Италии Умберто I в 1900 г., и президент США Уильям Мак-Кинли в 1901 г. Представители данной организации совершили попытку ликвидации кайзера Германии Вильгельма в 1878 г. и участвовали во многих иных «акциях» против политических противников британской короны.

Вывод. Модификация идеологии терроризма на рассматриваемом этапе обусловлена сменой полярности политической активности от государства к отдельным группам, находящимся на финансировании другого государства. Таким образом, мы можем говорить о государственном политическом терроризме, направленном на формирование страха у властей другого государства. Считать революционный терроризм формой деятельности нации неправильно, так как число активных террористов крайне невелико, а их деятельность не находит поддержки в обществе в целом. В целом можно сказать, что идеология рассматриваемого вида терроризма есть составная часть идеологии войны, а террористическая деятельность есть форма ведения военных действий без объявления войны одним государством другому.

Национальный (национально-освободительный) терроризм. Высшей формой нравственной неопределенности терроризма как идеологии является идеология террористической деятельности, направленная на освобождение нации от угнетения оккупантами. Если идеология революционного терроризма есть антагонизм идеологии государственного терроризма, направленного на собственных граждан, то идеология освободительного терроризма есть антагонизм идеологии государственного терроризма, направленного на население колоний и оккупированных территорий. Рассматриваемая форма терроризма на уровне идей, как правило, разделяется большинством населения страны и часто соответствует идеям справедливости. Рассматриваемая деятельность эффективна и в условиях отсутствия внешнего финансирования, что радикально отличает её от революционного терроризма. Как и революционный терроризм, идеология национально-освободительного терроризма направлена на противодействие пусть и несправедливой, но государственной власти. Либеральная культурная теория, в частности, предполагает, что преступление (в более общем случае такие отклонения, как беспорядки) является коллективным проявлением отчаяния тех, кто маргинален в современном обществе [2. Р. 172].

В свое время страны третьего мира, а также страны социалистического блока, недавно отстоявшие свою независимость, стали активно отказываться от термина «терроризм», полагая, что борющиеся против колониального или оккупационного гнета не должны

считаться террористами, так как являются борцами за свободу.

В своем монументальном исследовании Б. Хоффман описывает дискуссию, произошедшую в ООН в начале 70-х гг. XX в.

«Дебаты начались с заявления Генерального секретаря ООН, которым тогда был Курт Вальдхайм, о том, что ООН не должна оставаться сторонним наблюдателем в то время, когда во всем мире террористами совершаются акты насилия, но принимать необходимые меры для предотвращения дальнейшего кровопролития. В то время как большинство государств – членов ООН поддержали предложение Генерального секретаря, несогласное меньшинство, включавшее многие арабские государства, а также африканские и азиатские страны, сорвали дискуссию, утверждая (с тем же рвением, что и Ясир Арафат в своем обращении к Генеральной Ассамблее спустя два года), что “люди, борющиеся за освобождение от иноплеменного гнета и эксплуатации труда, имеют право использовать любые методы для выражения протеста, включая применение силы”.

Делегаты от стран третьего мира подкрепили свою позицию двумя доводами. Во-первых, все истинные борцы за освобождение без различия классифицируются режимами, против которых они выступают, как террористы. Так, например, германские нацисты называли террористами группы Сопротивления, боровшиеся против немецкой оккупации. Моулей эль-Хассен, представитель Мавритании, отметил, что “все освободительные движения называются террористическими теми, кто вверг их в нищету и рабство”. Следовательно, осуждая терроризм, ООН тем самым закрепляла власть сильных над слабыми и признавала субъектами права над непризнанными претендентами, по сути, выступив в поддержку существующего положения вещей. По словам Чен Чу, помощника представителя КНДР, таким образом ООН предлагала лишить “угнетенные народы и нации” единственного действенного оружия, с помощью которого возможно противостоять «империализму, колониализму, неоколониализму, расизму и израильскому сионизму»... По словам представителя Мавритании, который вновь объяснил, что термин “террорист” вряд ли можно применять к лицам, которым отказано в элементарнейших правах человека, а именно достоинстве, свободе и независимости, и чьи страны борются с иноплеменной оккупацией. Когда этот вопрос вновь был поднят год спустя, Сирия заявила, что “мировое сообщество имеет правовые и моральные обязательства поддерживать освободительные движения и противостоять любым попыткам сравнения борьбы за свободу с терроризмом и незаконным насилием”. В результате так и не выработавшая единого мнения о терроризме ООН стала прилагать больше усилий для укрепления международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, выходя за рамки соглашений по отдельным вопросам данной проблемы (связанным, например, с дипломатией и гражданской авиацией)» [3. С. 30–31]. «Более того, некоторые пресловутые террористы, если их движение достигает своих целей, становятся законными политиками или, возможно, лидерами сво-

ей страны, имеют признание в Европе и на Ближнем Востоке» [4. Р. 91].

Признаком национально-освободительного терроризма выступает крайне четко определенный «враг». В качестве примера можно привести высказывание лидера террористической группы «Лехи» (от Лохамей Херут Исраэль – Борцы за свободу Израиля) – «Враг – Британия. И с врагом этим мы должны бороться не на жизнь, а на смерть, при любых обстоятельствах и в любой ситуации».

Многие исследователи и политические деятели могут прикрываться утверждениями, что они являются представителями оккупированной стороны и имеют полное моральное право на борьбу и противодействие. Классическим примером выступает позиция представителей националистически настроенных представителей прибалтийских стран о периоде советской оккупации Прибалтики в 40–90-х гг. XX в. Конечно, Советский Союз цинично создал в Прибалтике систему промышленности, образования, социальных благ исключительно во имя реализации своих имперских амбиций, которые в наши дни были разрушены свободными прибалтийскими государствами вместе с системой промышленности, образования и социальных благ. Воистину торжество национального освобождения. Данный пример говорит об ответственности ученого, заявляющего, что конкретное террористическое мировосприятие является частным случаем национально-освободительного терроризма.

Учитывая, что эмоционально-смысловое восприятие феномена терроризма менялось с позитивного на негативный, неудивительно, что власти различных государств пытались использовать термин «терроризм» в целях дискредитации своих геополитических противников. Обвинения в террористической природе того или иного режима фактически всегда взаимны. Так, расово сегрегированные США обвиняли националистически настроенную гитлеровскую Германию в террористичности политического режима, забывая о собственном явно террористическом подходе к расовым, национальным и политическим меньшинствам. Обвинение в людоедском режиме часто раздавались со стороны апологета колониализма Британии в адрес политически чуждого ей Советского Союза. Как обычно в любой пропаганде, не замечая собственной неполноценности, власть склонна подчеркивать неполноценность политических режимов своих геополитических противников. Учитывая, что идеология террора в отношении собственного населения нами была рассмотрена в самом начале работы, мы не будем возвращаться к современной практике наклеивания политических ярлыков. Однако отметим, что идеология государственного терроризма, направленного против собственного населения, характерна как для авторитарных государств (СССР, Северная Корея, КНР и др.), так и для тоталитарных государств (США, Британия, ЕС и др.).

Все сказанное относится и к таким разновидностям террористической деятельности, как наркотерроризм и кибертерроризм. Не все помнят обвинения со стороны США в том, что Советский Союз стоит за системой использования наркоторговли для осу-

ществления стратегических целей некоторых государств и террористических организаций [3. С. 25]. Как и многие идеологические штампы, наркотерроризм был лишь поводом для обвинений со стороны государства, управляющего наркопотоками в XX в., как Британия управляла ими в веке XVIII–XIX. Сегодня государство, контролирующее львиную долю программного обеспечения, следящего за своим пользователями, активно обвиняет наше государство в кибертерроризме.

Подытоживая сказанное, отметим, что терроризм является системой идеологических взглядов на целесообразность применения мер нагнетания ужаса и запугивания для решения политических целей. В процессе становления идеологии терроризма обособились следующие формы террористического восприятия:

1) государственный внутренний терроризм – идеология государственного терроризма, направленного на собственное население;

2) государственный внешний терроризм – идеология государственного терроризма, направленного на население контролируемых колоний и оккупированных территорий;

3) государственный политический (революционный) терроризм – идеология государственного терроризма, направленного на властные структуры другого государства;

4) национальный (национально-освободительный) терроризм – идеология терроризма общества в целом или его значительной части, направленного на противодействие колонизаторам и оккупантам.

Если мы говорим о противодействии терроризму, необходимо четко определить, какую из четырех описанных идеологий мы имеем в виду. Разработка понятия выступает системообразующим началом исследования феномена терроризма, той точкой, когда эмоциональное восприятия трансформируется в научное познание.

Группа понятий, определяющих систему «терроризм». Нельзя, исследуя феномен терроризма, утверждать, что определяющая характеристика терроризма – это сам акт насилия, а не мотивации, оправдания или основания для его применения. При подобном подходе невозможно найти разницу между массовыми бомбежками гражданских объектов Дрездена и Токио авиацией США и Британии, Варшавы авиацией Германии, Югославии авиацией стран НАТО, применением ядерного оружия в отношении гражданского населения Японии, химического в отношении гражданского населения Кореи и Вьетнама и взрывами, устраиваемыми современными «борцами за свободу». Об этом на трибунах ООН было сделано заявление представителем Кубы, утверждавшим, что «методы борьбы, используемые национальными освободительными движениями, не могут быть объявлены незаконными, в то время как политика насилия, применяемая в отношении некоторых лиц (вооруженными силами независимых государств), считалась бы законной».

Представляет интерес исследование, в котором изучены основные элементы дефиниций терроризма (таблица).

Встречаемость основных элементов дефиниций понятия «терроризм» у различных исследователей [5. Р. 5–6]

Описание элемента дефиниции	Встречаемость элемента дефиниции, %
1. Насилие, применение силы	83,5
2. Политический фактор	65
3. Выраженный страх, террор	51
4. Угроза насилия	47
5. Влияние (психологическое) и реакция (ожидаемая)	41,5
6. Различие «жертва – цель»	37,5
7. Намеренное, спланированное, систематическое, организованное действие	32
8. Метод борьбы, стратегия, тактика	30,5
9. Необычность (исключительность), нарушение общепринятых правил, отсутствие каких-либо ограничений по соображениям гуманности	30
10. Принуждение, вымогательство, призыв к одобрению	28
11. Получение огласки	21,5
12. Произвольность, случайный неличный характер, неразборчивость	21
13. Выбор жертвы из числа мирных граждан, гражданских лиц, граждан нейтральных стран, лиц, не участвующих в конфликте	17,5
14. Запугивание	17
15. Выраженная невиновность жертв	15,5
16. Группа, движение, организация в качестве правонарушителя	14
17. Символический аспект, стремление продемонстрировать общественности свои взгляды	13,5
18. Непрогнозируемый, непредсказуемый, неожиданный характер проявления насилия	9
19. Тайная, подпольная деятельность	9
20. Повторяемый, серийный или наступательный характер насилия	7
21. Преступность деяния	6
22. Предъявление требований к третьим сторонам	4

Мы не согласны с утверждением У. Лакера о природе терроризма, в отношении которой «общая теория а priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений» [6. Р. 183]. Наблюдаемый избыток причин и проявлений есть индикатор смещения в качестве объекта исследования разных феноменов, о чем уже говорилось ранее.

В первую очередь необходимо понимать, что отсутствие единой дефиниции терроризма предопределено необходимостью в угоду текущему моменту объявлять ту или иную группу преступников террористами, если они выступают против нашего влияния, или борцами за свободу, если они с нами «в одной команде» [7. Р. 3]. Именно идеология власти текущего момента тормозит признание единой дефиниции, следовательно, при её формулировании необходимо абстрагироваться от текущего момента, а следовательно:

1. Во-первых, следует отказаться от исследований феномена терроризма, содержательно ориентированного на террор государства в отношении собственных граждан, как метрополии, так и её колоний. Любое исследование рассматриваемой идеологии терроризма будет сведено к бессмысленным спорам о традициях, понимании счастья граждан, «великой» цели очередных реформ, а реальным доказательством правоты будет количество ядерных боеголовок, бомбардиров-

щиков и танков. Неправедность государства в отношении своих граждан – это не терроризм, а всего лишь образ власти без маски, и предмет споров вокруг этой проблемы есть проблема нравственная, а не научная.

2. Во-вторых, фактически потеряла актуальность проблема нравственности национально-освободительных движений, использующих террористические приемы по причине разрушения колониальной системы и фактически не существующего на данный момент факта оккупации одним государством территории другого. Здесь мы сошлемся на мнение о том, что «уходит под ударами национально-освободительного движения колониализм, но остаются и расширяются межэтнические контакты» [8. С. 18]. Действительно, в «чистом» виде о национально-освободительном движении против колониализма можно говорить только применительно к конфликту в Сомали, где войска Франции, занимая столичную территорию, противостоят разьединенным усилиям сомалийских племенных военных формирований. Примерно та же ситуация и с национально-освободительными движениями, борющимися против оккупации их территории другим государством. На сегодня можно только говорить об оккупации Израилем части территории Палестины, может быть, об оккупации Великобританией Северной Ирландии. О факте оккупации иных терри-

торий также можно говорить только голословно, спекулятивно повышая себе образ политической привлекательности. Успешность национально-освободительного движения против системы колониализма была обусловлена ослаблением ведущих колониальных держав мира в ходе Второй мировой войны, против же сильного государства антиколониальный терроризм бессилён. Также антиколониальный терроризм эффективен в условиях большого количества мировых центров силы, так как именно на противоречии этих центров и играют террористы, о чем говорит история таких организаций, как «Иргун» и «Организация освобождения Палестины». Напомним, что в 60-е гг. XX в. «Организация освобождения Палестины», являвшаяся негосударственной организацией, имела формальные дипломатические отношения с большим числом стран, чем национальное государство Израиль.

Таким образом, научному исследованию поддается только третья форма идеологии терроризма – государственный политический (революционный) терроризм. Именно на дефиниции данного вида терроризма и необходимо остановиться.

Отдельно подчеркнем, что в определении терроризма должна просматриваться четкость научного подхода, в противном случае мы опять вернемся к псевдоидейным спорам, где правым оказывается более сильный. Попыткам очертить грань терроризму и отличить его от «умеренной, но вооруженной до зубов оппозиции» нет числа, но на уровне морально-нравственных аргументов они оказались безрезультатными. Так, экс-лидер государства, возникшего как результат активной террористической деятельности, Бенджамин Нетаньяху заявил следующее: «...те, кто целенаправленно убивают детей, не могут быть борцами за свободу. Те, кто попирают права человека, не заинтересованы в защите этих самых прав... граждане свободных стран понимают такую разницу инстинктивно» [9. Р. 9]. Трудно спорить со сказанным в целом, но конечный смысл высказывания предопределяет «инстинктивное», т.е. не разумное определение виноватых, что очень удобно для любой политической борьбы. Неудивительно, что исследователи отмечают, что «до конца холодной войны в 1990-х гг., ярлыки террорист и преступник, как правило, совпадали, с тех пор различие проходит менее четко» [10. Р. 45].

К сожалению, определение терроризма согласно ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ представляется даже не неудачным, а противоречивым. Так, указанный нормативный акт определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанными с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Терроризм как идеологию необходимо разводить с террористической деятельностью как способом реализации волеизъявления идеологии терроризма. Не должно быть совмещения в одном термине идеологии и ее реализации.

Представляется, что за основу целесообразно взять определение Госдепартамента США, которое содер-

жится в разделе 22 свода законов США, параграф 2656f (d), о дефиниции терроризма «как преднамеренного, политически мотивированного насилия, осуществляемого против мирных объектов субнациональными группами или секретными агентами, как правило, направленного на оказание влияния на общественность». Это крайне глубокое понимание природы современного терроризма, которое из идейной борьбы превратилось в средство скрытой политической борьбы между государствами. Неудивительно, что Ж. Бодрийар полагает, что «...современный терроризм, начало которому положили захваты заложников... уже не имеет ни цели (если все же допустить, что он ориентирован какими-то целями, то они либо совсем незначительны, либо недостижимы, во всяком случае, он является самым неэффективным средством их достижения), ни конкретного врага» [11. С. 64–65].

Понимание террористической деятельности как средства скрытой политической борьбы между государствами предотвратит появление таких необдуманных и даже откровенно наивных выводов исследователей, как вывод о том, что «бунты являются наиболее частыми в слабых и горных государствах» [12. Р. 248]. Современная революционная (террористическая) деятельность инспирируется так или иначе зарубежными разведками, и игнорировать это в исследованиях нельзя.

«К тому же терроризм давно вышел за национальные рамки, приобрел международный характер. И сейчас это преступное явление просто нецелесообразно делить на международный и внутригосударственный терроризм. Он, в основной своей преступной посылке, един и неделим как для отдельного государства, так и для международного сообщества в целом» [13. С. 5].

Таким образом для решения проблемы формулировки определения терроризма необходимо учитывать его следующие составляющие:

- терроризм является идеологией нагнетания страха;
- атмосфера страха достигается насилием или его угрозой;
- терроризм реализуется субнациональными группами или секретными агентами третьих государств;
- терроризм выступает как форма контркультуры;
- терроризм носит системный характер, не представляя собой цепь одиночных актов;
- террористическая деятельность направлена на запугивание граждан, создание с их стороны давления на правительство государства, чтобы поколебать их веру в силу государства;
- безадресное насилие (жертвы терроризма индивидуально не определены) в политических целях;
- элемент политической борьбы между государствами;
- политическое насилие в асимметричном конфликте [1. Р. 527] (Под асимметричным конфликтом понимается такое положение дел, когда одна сторона на уровне исполнителей имеет несопоставимое превосходство в силе и ресурсах по сравнению со второй стороной конфликта. Это неудивительно, ведь на од-

ной стороне конфликта вся мощь государства, а на другой – лишь инициатива, как правило, незначительной части граждан.);

– не популярная деятельность среди большинства населения;

– преступность действий.

Устарело, а потому не нуждается во включении в определение утверждение, что «в отличие от простого преступника террорист не преследует чисто личные цели, его действия не продиктованы желанием набить карман, или удовлетворить какую-либо личную потребность, или выразить свое недовольство. Террорист – это всегда альтруист: он верит, что служит «благому» делу» [3. С. 46]. Современный террорист часто параллельно с идейной уверенностью в правоте дела, которое он защищает, совершенно не исключает мысль о возможной прибыльности этого дела. Сказанное касается даже исполнителей, а уж идейные организаторы террористических движений никогда не упускают возможность повышения своего финансового благополучия. На данный момент достаточно документирована связь между организованной преступностью (от наркотиков и незаконного оборота оружия до вымогательства, отмывания денег и похищения людей) и терроризмом [10. Р. 48].

Таким образом под терроризмом следует понимать контркультурную идеологию системного нагнетания страха посредством совершения преступных действий в виде насилия или угрозы его применения в отношении индивидуально неопределенных жертв, реализуемую субнациональными группами или секретными агентами третьих государств, в целях дискредитации власти, направленную на запугивание граждан, подрывающую их веру в силу государства и выступающую как форма политической борьбы между государствами в асимметричном конфликте.

Возможно данное определение и не является компактным, но феномен терроризма невозможно преодолеть, если в процессе противодействия ему нет четкого отграничения от смежных действий.

Терроризм как идеология реализуется в процессе террористической деятельности. Под террористической деятельностью следует понимать одно или несколько преступных деяний, совершенных в террористических целях. Вероятно, целесообразно давать перечень деяний, как это сделано в ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ.

В ч. 2 ст. 3 названного закона указываются виды террористической деятельности, к которым относятся:

а) организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовка, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Как видно, системообразующим элементом террористической деятельности выступает террористический акт на всех этапах его существования, начиная со стадии организации и заканчивая стадией оценки и информирования о нем окружающих.

Международное сообщество, осознавая опасность терроризма и стремясь выработать меры его предупреждения, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции как ООН (например, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма), так и конвенции иных политических организаций (например, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Европейская конвенция о пресечении терроризма). Определение террористического акта, используемого в отечественной нормативной практике, напрямую проистекает из вышеописанных международных документов.

Под террористическим актом согласно ст. 205 УК РФ и ч. 3 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ следует понимать совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угрозу совершения указанных действий в тех же целях.

Совершенно правильно с содержательной точки зрения в понятие террористического акта помимо взрыва включено совершение поджога, ведь поджог гораздо менее финансово затратный, но не уступающий взрыву способ нагнетания атмосферы страха в обществе [14. Р. 26]. К сожалению, об организации поджогов как способе совершения террористического акта в отечественной литературе говорится недостаточно.

Согласно ч. 3 Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под иными действиями, устрашающими население и создающими опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в ст. 205 УК РФ следует понимать действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом, например: устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение

болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений.

При исследовании феномена терроризма крайне важно отграничить его от еще одного граничного явления – экстремизма. Под экстремизмом согласно ч. 1 ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) понимаются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Методы дестабилизации существующей системы государственной власти с помощью угроз, шантажа, массовых беспорядков, а также взрывов в местах наибольшего скопления населения и прочего «все чаще берутся “на вооружение” отдельными индивидами и группами лиц, имеющими политические амбиции, но не обладающими при этом ни кредитом доверия населения, ни административным ресурсом. Поэтому такие лица прибегают к информационной войне в виде экстремизма, а с помощью актов терроризма стараются придать этой войне наглядное подтверждение серьезности своих намерений. Следовательно, экстремизм и терроризм как средства воздействия на общество являются “оружием слабых”, что нельзя сказать о самом этом “оружии”, наделенном не только весьма разрушительной силой, но и значительным радиусом поражающего действия» [15. С. 9].

Феномен экстремизма крайне сложен. Дело в том, что, с одной стороны, к экстремизму тяготеют выра-

женные асоциальные противники спокойствия и порядка в государстве, в том числе финансируемые из-за рубежа, с другой – в современном индустриальном рыночном государстве экстремизм выступает чуть ли не единственно возможной формой политического протеста со стороны политически активных граждан. Эта полная нравственно окрашенная противоположность рассматриваемых групп делает борьбу с экстремизмом удобным инструментом подавления граждан своей страны [16. Р. 214–215, 219], а отсутствие этой борьбы – средством раскачивания политической стабильности в государстве из-за рубежа.

Сказанное актуализирует дальнейшие исследования феномена экстремизма, которые на данный момент часто бывают не просто необъективными, а оскорбительными. Так, сравнивая механизм экстремистской деятельности в социуме и инстинктивные формы реагирования в природе (сравнивая общество и стаю рыбок) [15. С. 10], демонстрируя вульгарный натуралистский подход в решении социальных проблем, мы только удаляемся от решения поставленной проблемы.

Трудно отграничить экстремизм и терроризм по видовому фактору, так как «в чистом виде ни одна из форм экстремизма не существует» [17. С. 340], следовательно, необходимо искать иной критерий.

Напомним, что отсутствие четкого описания содержания проступка было одним из основных принципов регулирования человеческой деятельности в концентрационных лагерях Великобритании и Германии. Отсутствие четкого описания содержания экстремистских действий есть признак правового беспредела и коррупционного государства.

В целом для экстремистской деятельности системообразующим является такой элемент, как мотив, направленный на ненависть к определенной группе лиц, а терроризм – на прямое разрушение государства. Сказанное целесообразно отразить в нормах, посвященных противодействию экстремизма и терроризма, что позволит избежать существующей в них сегодня путаницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lyman M.D. Criminal investigation: the art and the science. 6th ed. New York : Prentice Hall, 2011. 526 p.
2. Marsh I., Melville G., Morgan K., Norris G., Walkington Z. Theories of crime. New York : Routledge, 2006. 537 p.
3. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М. : Ультра. Культура, 2003. 264 с.
4. Morrall P. Murder and society. Atrium, Southern Gate, John Wiley & Sons Ltd., 2006. 208 p.
5. Schmid A.P. et al. Political terrorism: a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature. New Brunswick : Transaction Books, 1998. 700 p.
6. The terrorism reader: a historical anthology / ed. Walter Laqueur, Yonah Alexander. New York : New American Library, 1987. 405 p.
7. White J.R. Terrorism and homeland security. Belmont : Wadsworth Publishing, 2005. 398 p.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли М. : Эксмо, 2017. 560 с.
9. Netanyahu B. Fighting terrorism: How democracies can defeat domestic and international terrorists. New York : Farrar, Straus and Giroux, 1997. 180 p.
10. Roth M.P. Global organized crime: a reference handbook. Santa Barbara; California : ABC-CLIO; LLC, 2010. 329 p.
11. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. 96 с.
12. Cederman L.E. Articulating the geo-cultural logic of nationalist insurgency / Order, Conflict, and Violence / ed. by S.N. Kalyvas, I. Shapiro, and T. Masoud. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 242–270.
13. Грачев С.И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории / под ред. О.А. Колобова. Н. Новгород : ФМО/ИСИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. 242 с.
14. Redsicker D.R., O'Connor J.J. Practical fire and arson investigation. 2-nd ed. New York : CRC Press, 1997. 432 p.
15. Методика расследования преступлений экстремистской направленности : учеб. пособие для студ. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 103 с.
16. Sofsky W. The order of terror: The concentration camp. Princeton : Princeton University Press, 1997. 356 p.
17. Иншаков С.М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. 432 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 февраля 2020 г.

The Phenomenon of Terrorism: Criminological and Forensic Nature, History, Concept

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 232–240.

DOI: 10.17223/15617793/453/28

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: terrorism; ideology; narcoterrorism; cyberterrorism; asymmetric conflict; extremism.

The article reveals a set of theoretical and practical problems that are characteristic of terrorist activity—one of the systemic threats of modern civilization. The range of the problems affects the methodological, historical, criminological, forensic, cultural, and psychological aspects. The subject matter of the research is a complex of system-forming elements of the phenomenon of terrorism as a unique form of criminal ideology. The following methods were used in the study: analysis, synthesis, a system-structural method, as well as a group of special methods of biographical analysis, statistical analysis, comparative historical analysis, and expert assessment method. As a result of the study, the following conclusions were obtained. Terrorism is a system of ideological views on the appropriateness of applying measures of horror and intimidation to solve political goals. In the process of establishing the ideology of terrorism, the following forms of terrorist perception appeared: (1) state internal terrorism, the ideology of state terrorism aimed at its own population; (2) state external terrorism, the ideology of state terrorism aimed at the population of controlled colonies and occupied territories; (3) state political (revolutionary) terrorism, the ideology of state terrorism aimed at the state structures of another state; (4) national (national liberation) terrorism, the ideology of terrorism of society as a whole, or a significant part of it, aimed at countering the colonialists and occupiers. State political (revolutionary) terrorism is a form of terrorism characteristic of our time. Consequently, terrorism should be understood as a phenomenon characterized by the following elements: the countercultural ideology of a systematic escalation of fear; the commission of criminal acts in the form of violence or the threat of their commission; the commission of criminal acts against victims who are not intentionally selected on an individual basis; the activities carried out by subnational groups or secret agents of third states; the ultimate goal of discrediting the authorities, aimed at intimidating citizens; the form of a political struggle between states in an asymmetric conflict. The result of the study is the conclusion that, for extremist activity, the system-forming element is a motive aimed at hatred of a certain group of people, and, for terrorism, the system-forming element is a motive aimed at the direct destruction of the state.

REFERENCES

1. Lyman, M.D. (2011) *Criminal investigation: the art and the science*. 6th ed. New York: Prentice Hall.
2. Marsh, I. et al. (2006) *Theories of crime*. New York: Routledge.
3. Hoffman, B. (2003) *Terrorizm – vzglyad iznutri* [Inside Terrorism]. Translated from English by E. Sazhin. Moscow: Ul'tra. Kul'tura.
4. Morrall, P. (2006) *Murder and society*. Atrium, Southern Gate: John Wiley & Sons Ltd.
5. Schmid, A.P. et al. (1998) *Political terrorism: a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature*. New Brunswick: Transaction Books.
6. Laqueur, W. & Alexander, Y. (eds) (1987) *The terrorism reader: a historical anthology*. New York: New American Library.
7. White, J.R. (2005) *Terrorism and homeland security*. Belmont: Wadsworth Publishing.
8. Gumilev, L.N. (2017) *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. Moscow: Eksmo.
9. Netanyahu, B. (1997) *Fighting terrorism: How democracies can defeat domestic and international terrorists*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
10. Roth, M.P. (2010) *Global organized crime: a reference handbook*. Santa Barbara, California: ABC-CLIO; LLC.
11. Baudrillard, J. (2000) *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social]. Translated from French. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Cederman, L.E. (2008) Articulating the geo-cultural logic of nationalist insurgency. In: Kalyvas, S.N., Shapiro, I. & Masoud, T. (eds) *Order, Conflict, and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 242–270.
13. Grachev, S.I. (2010) *Terrorizm i kontrterroristicheskaya deyatel'nost': voprosy teorii* [Terrorism and Counter-Terrorism Activity: Theory Issues]. Nizhny Novgorod: FMO/ISI NNGU im. N.I. Lobachevskogo.
14. Redsicker, D.R. & O'Connor, J.J. (1997) *Practical fire and arson investigation*. 2nd ed. New York: CRC Press.
15. Aminov, D.I. et al. (2016) *Metodika rassledovaniya prestupleniy ekstremistской napravlenosti* [Methods of Investigation of Crimes of an Extremist Orientation]. Moscow: YuNITI-DANA.
16. Sofsky, W. (1997) *The order of terror: The concentration camp*. Princeton: Princeton University Press.
17. Inshakov, S.M. (2000) *Kriminologiya: uchebnik* [Criminology: A Textbook]. Moscow: Yurisprudentsiya.

Received: 13 February 2020